

СМЫСЛ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И ДУХОВНОСТИ (размышление методолога)

В.М. РОЗИН

Ментальность — это одно из таких понятий, которые вполне ясны и привлекательны до тех пор, пока не начинаешь продумывать — а что имеется в виду, когда мы об этом говорим? Вот, например, что по поводу ментальности пишут Лев и Наталья Пушкаревы.

«Понятие ментального позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полусознанными культурными шифрами. Ментальное связывает многочисленные оппозиции — природного и культурного, эмоционального и рассудочного, иррационального и рационального, индивидуального и общественного... В современном гуманитарном знании понятие ментальностей приобрело расширительный смысл и употребляется не только для обозначения тех или иных культурных стереотипов, типичных для больших социальных групп или характеристики духовной настроенности всего общества, но и для толкования образа мыслей, верований, “навыков духа” небольшой группы людей... Длительность сохранения интереса к исследовательскому направлению “истории ментальностей” объясняется широкими возможностями научного синтеза, объединения результатов исследовательского анализа и приемов работы разных гуманитарных дисциплин — истории, этнологии, психологии и этологии, лингвистики, культурологии, семиотики, литературоведения, географии, экологии»¹.

Как при этом авторы мыслят соединение и синтез *несоединимого* (сознательного с неосознанным, иррационального с рациональным, индивидуального с общественным и т.д.), они не объясняют. Есть, правда, и другой способ использования этого понятия, а именно: для объяснения отличий одного типа поведения (национального, этнического, группового) от другого. Например, Г.Л. Тульчинский в «Проективном философском словаре» так характеризует духовный российский опыт (русскую ментальность, российский менталитет):

«Для духовного опыта российского характерны: нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом; установка на правду и готовность пострадать за нее; самоценность страдания (святость как самоистощание). Ценность реальной жизни отрицается во имя иной жизни (в потустороннем мире, в «светлом» будущем, за рубежом). Обостренное чувство справедливости основывается на установке приоритета интересов общности по отношению к индивиду, его свободе и достоинству. Основная

тема д. о. р. — противостояние власти и народа — сочетается с амбивалентностью “кротости” и “крутости”, доходящей до самозванства, амбивалентности жертвенности и насилия»².

Но не секрет, что другие авторы иначе определяют русскую ментальность.

«В 1993 г. в редакции журнала “Вопросы философии”, — читаем мы в книге Т. Стефаненко, — прошло заседание “круглого стола” на тему: “Российская ментальность”... В ходе дискуссии упоминались такие компоненты российской ментальности, как: “разрыв между настоящим и будущим, исключительная поглощенность будущим, отсутствие личностного сознания, а потому и ответственности за принятие решений в ситуациях риска и неопределенности, облачение национальной идеи (“русской идеи”) в мессианские одежды, открытость или всеотзывчивость”. Но совершенно прав А.П. Огурцов, что против каждой из этих характеристик можно найти контрфакты и контраргументы...

Правда, многие современные исследователи усматривают в недоформализованности термина “ментальность” достоинство, позволяющее использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и гуманитарные рассуждения о человеке. Именно таким эклектичным способом чаще всего исследуют ментальность этнических общностей, практически сводя ее к национальному характеру, психологи и этнологи во многих странах мира... Но историки школы “Анналов” особо подчеркивают, что ментальность есть не набор характеристик, а система взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы»³.

Не свидетельствует ли это все о том, что понятием «ментальность» нельзя корректно пользоваться, что это не понятие, а что-то другое? Поскольку пользуются, интересно понять, чем.

Думаю, ментальность — не понятие, во всяком случае, не философское и тем более не научное понятие, а знания, полученные на *схемах*. Разные схемы, позволяющие решать различные проблемы, задают те или иные образы ментальности. Объясним, что имеется в виду.

Именно знания являются тем, что для человека задает видение действительности. В свою очередь, получение знания предполагает семиотический процесс (изобретение знаков, означение, действия со знаками). Уже в процессе становления человека складывается поведение, суть которого представляло коллективное проживание воображаемых событий, заданных знаками. Развитая форма подобного семиотического освоения действительности неплохо просматривается в первой культуре — архаической. Вот один характерный пример — архаическое понимание затмения.

«На языке тупи, — пишет Э.Тейлор, — солнечное затмение выражается словами: “ягуар съел солнце”. Полный смысл этой фразы до сих пор обнаруживается некоторыми племенами тем, что они стреляют горящими стрелами, чтобы отогнать свирепого зверя от его добычи. На северном материке некоторые дикари верили также в огромную пожирающую солнце собаку, а другие пускали стрелы в небо для защиты своих светил от воображаемых врагов, нападавших на них. Но рядом с этими преобладающими понятиями существуют еще и другие. Караибы, например, представляли себе затмившуюся луну голодной, больной или умирающей... Гуроны считали луну больной и совершали свое обычное шаривари со стрельбой и воем собак для ее исцеления»⁴.

Обратим внимание, архаические люди в данном случае действуют так, как будто они реально видят «ягуара». Но ведь его нет. Что значит — нет? Нет в физическом смысле, с точки зрения естественнонаучной реальности, о которой дикари ничего не знают. Но «ягуар» задан языком, точнее «схемой» и в этом смысле он существует в сознании архаического человека как *психическая и семиотическая реальность*.

Говоря о знаках, мы употребляем два ключевых слова — «обозначение» и «замещение», например, некоторое число как знак обозначает то-то (скажем, совокупность предметов), замещает такой-то предмет (эту совокупность) в плане количества. У схемы другие ключевые слова — «описание», «средство» (средство организации деятельности и понимания), «образ предмета». Так, мы говорим, что схема метро описывает пересадки и маршруты движения, помогает понять, как человеку эффективно действовать в метрополитене; именно схема метрополитена задает для нас образ метро как целого.

Схему я определяю таким образом: это *двуслойное предметное образование, где один слой (например, образ ягуара) замещает другой (то, что происходит с солнцем)*. Схемы выполняют несколько функций: *помогают понять происходящее, организуют и переорганизуют деятельность человека, собирают смыслы, до этого никак не связанные между собой, способствуют выявлению новой реальности*. Необходимым условием формирования схем является *означение*, т.е. замещение в языке одних представлений другими. Если мы делаем акцент на новом видении, то знаковая функция схемы выступает только как условие схематизации. Если же акцент делается на замещении, то схема — это, действительно, сложный знак со всеми вытекающими из этого последствиями.

Архаическое представление о затмении является примером первых схем. Поскольку человек еще не осознает природу схем и

не строит их сознательно, лучше подобные семиотические образования называть «квазисхемами». Квазисхемы в архаической культуре (и в значительной степени схемы в последующих культурах) задают сразу три грани явления: *языковое выражение* (нужно было изобрести сам нарратив, например, «ягуар съел солнце» или «луна умирает»), *понимание того, что происходит* (диск солнца уменьшается, потому что его съедает ягуар), наконец, *уяснение того, что надо делать* (отгонять ягуара; а там, глядишь, скоро и затмение прекратится — ягуар отпускает солнце; таким образом архаический человек убеждался в эффективности своего понимания). Этот синкретизм трех основных образований — языка, коммуникации и деятельности, очевидно, выступает условием разрешения проблем, с которыми периодически сталкивались архаические племена (например, когда начиналось затмение, они испытывали ужас и не знали, что делать).

Первые настоящие схемы появляются только в античной культуре. В «Пире» Платон вполне сознательно строит схемы и на их основе дает различные определения любви. С помощью схем герои диалога (а фактически сам Платон) получают различные знания о любви. Например, сначала один из героев платоновского диалога рассказывает историю о том, как Зевс рассек «андрогинов» (это существа, как бы склеенные из двух мужчин или двух женщин, или мужчины с женщиной) пополам. Затем половинки андрогинов отождествляются с возлюбленными. Потом влюбленным мужчинам и женщинам приписывается стремление к поиску своей половины, поскольку их происхождение от андрогинов требует воссоединения целого. Обратим внимание, здесь состояния возлюбленных выражаются с помощью состояний андрогинов (один слой обозначает другой).

Откуда, спрашивается, Платон извлекает новое знание о любви? Он не может изучать (созерцать) объект, ведь платонической любви в культуре еще не было, а обычное понимание любви было противоположно платоновскому. Платон утверждает, что любовь — это забота о себе каждого отдельного человека, а народное понимание языком мифа гласит, что любовь от человека не зависит (она возникает, когда Эрот поражает человека своей золотой стрелой). Платон приписывает любви разумное начало, а народное — только страсть. Платон рассматривает любовь как духовное занятие, а народ — преимущественно как телесное и т.п. Новое знание Платон получает именно из схемы, очевидно, *он ее и создает, чтобы получить такое знание*. Однако относит Платон это знание, предварительно модифицировав его (здесь и потребовалось отождествление), не к схеме, а к объекту рассуждения, в данном случае, к любви.

Таким образом, в отличие от знаков, используемых в оперативных целях, как заместители объектов, схемы задают и описывают реальность, позволяя по-новому ее видеть (видеть впервые), а, следовательно, затем и по-новому действовать в мире. При этом схематизация не просто отражает реальность, но и *участвует в ее порождении*, не только работает на общее культурное видение, но и обеспечивает видение индивидуальное.

С точки зрения введенных представлений, разные типы ментальности — это схемы, ориентированные на решение разных задач. Одни из них относятся к сфере идеологии и политологии, например, нужно отличить свой народ от других, подчеркнув его достоинства или недостатки. Нетрудно понять функции подобной схемы. Со стороны государства или партии, претендующей на народное представительство (недаром трактовка ментальности так привлекает политиков), это представление позволяет направлять действия отдельного гражданина в нужном направлении. Направлять, в смысле, ориентировать, давать картину «своих» и «чужих», воодушевлять, «накачивать энергией» и т.п. Когда, например, Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» размышляет о том, что евреи и немцы обманывают и эксплуатируют доверчивый русский народ, он фактически работает на создание подобного образа «своих» и «чужих»⁵. А.Л. Янов считает, что и Гумилев использовал отношение к евреям для сходных целей:

«Проникая в чуждую им этническую среду, — пишет Гумилев, — евреи начинают ее деформировать. Не имея возможности вести полноценную жизнь в непривычном для них ландшафте, пришельцы начинают относиться к нему потребительски. Проще говоря — жить за его счет. Устанавливая свою систему взаимоотношений, они принудительно навязывают ее аборигенам и практически превращают их в угнетаемое большинство»⁶.

Со стороны отдельного человека (индивида) роль представления о ментальности несколько иная. Русская ментальность (предполагается, что человек не должен в ней сомневаться) позволяет ему получать дополнительную энергию и поддержку (сверхиндивидуальные), реализовать себя как члена сообщества, вообще реализовать себя. К сожалению, не всегда в осмысленном направлении. Когда сегодня средний россиянин, следуя сформированной СМИ ментальной программе, конвертирует свои проблемы в ненависть к США и транснациональным корпорациям, то известный политолог Леонид Радзиховский квалифицирует такое поведение, не более и не менее, как социальную шизофрению.

Другие схемы ментальности призваны объяснить, почему у нас не получаются реформы, третьи — обосновать нашу избранность или духовность, четвертые — напротив, противоречивость

сознания и слабость духа, пятые, шестые, десятые ориентированы на решение совершенно других проблем. Но в подавляющем большинстве случаев авторы, пишущие о русской ментальности, обобщают свои схемы до всего целого (русские как таковые, русский народ, россияне и т.п.), приписывают русской ментальности принудительный характер (полагая, что именно ментальность образует сущность российской действительности), реализуют в своих рассуждениях простые схемы объяснения, мол, есть однозначная причина наших особенностей или бед. Со всей определенностью стоит сказать, что все эти три «очевидных для их авторов» положения являются установками самих этих авторов, с ними не согласятся другие участники общественного дискурса, и они не выражают общие тенденции культуры.

О.Я. Гуревич, обсуждая природу ментальности, обратил внимание на то, что один из ее смыслов совпадает с понятием духовности. Что же это такое? Сегодня каждый видит в духовности то, о чем он мечтает. Однако попробуем взглянуть на духовность объективно. Один смысл духовности постоянно обсуждает Бердяев. По его мнению, духовность предполагает культ, религиозное отношение, веру в другие реальности, в конечном счете, в Бога, как бы его ни понимать. Отсюда бердяевское учение о «символичности» культуры и бытия человека: культура, пишет он, символична, в ней даны лишь символы, знаки иного духовного мира, но сам этот мир непосредственно реально не достигается.

Второй смысл духовности — в ее эзотеричности. Духовное отношение к жизни — эзотерическое отношение. Эзотерическое — не обязательно запредельное, тайное, дело в другом. Эзотерическая личность больше верит в тот духовный мир, чем в этот, живет не столько здесь, сколько там. При этом нельзя понимать дело так, что такая личность просто воображает, грезит нечто, пребывает, как говорил Платон, в состоянии творческого безумия. Она живет в своем творчестве, в размышлении о мире, в стремлении понять последние проблемы жизни и бытия. Эзотерическая личность каждый раз заново рождается во всем этом и через это. Про эзотерическую личность вполне можно сказать словами нашего культуролога Л.М. Баткина, несколько перефразировав его размышление о средневековой переписке настоятельницы женского монастыря Элоизы и философа Абеляра: индивидуальность эзотерической личности существует не до ее размышлений и духовной работы, не в виде бытовой данности. Эзотерик, конечно, тщательно обдумывает свои идеи — по правилам мысли и эзотерического жанра и по внушению непосредственного чувства. Он творит свои духовные «произведения», но результат получается непредвиденный — духовные произведения творят эзотерическую

личность. В эзотерической действительности свобода обретается через творчество (в данном случае духовное).

Для русского интеллигента духовный эзотеризм постепенно сделался буквально образом жизни, заслонил собой обыденную практическую жизнь с ее заботами и проблемами. Русский интеллигент предпочитает жить в мире книг, музыки, идей, споров, размышлений. Это и есть духовная жизнь русского интеллигента, из которой его почти невозможно извлечь, несмотря ни на какие революции и кризисы.

Бердяева удивляло: почему западному христианству была совершенно чужда главная русская идея — идея богочеловечества, и почему в Западной Европе все проблемы рассматриваются не по существу, а в их культурных отражениях, в их преломлении в историческом человеческом мире (когда ставилась, например, проблема одиночества, то в Европе при обсуждении этой проблемы говорили об одиночестве у Петрарки, Руссо или Ницше, а не о самом одиночестве). Кажется, какая разница: Бог или Богочеловечество, одиночество Руссо или одиночество вообще? Различие есть, и большое: эзотерическая личность живет в мире идей, это и есть ее первая и последняя реальность, а европейский человек преломляет идеи в своей частной жизни. У Маркса, считает наш замечательный философ М. Мамардашвили, был, если угодно, какой-то дальтонизм, слепое пятно на «умственном его глазу», которое делало его слепым к тому, что можно было бы назвать гражданским обществом, или частной жизнью. Но понятие «частный», подчеркивает Мамардашвили, чрезвычайно существенно для европейской, а значит и для христианской культуры. Идея же христианской культуры фундаментальна и проста. Это культура людей, способных в частном деле воплощать бесконечное и божественное. В противоположной культуре мы сталкиваемся с фактическим безразличием человека к собственному делу. Зато русский интеллигент буквально сгорает в мире идей, размышлений, духовной работы. И понятно почему. Идеи, музыка, книги, картины погружают человека в мир, где все гармонично, красиво, чисто, где реализуются идеалы человека. В таком мире, конечно же, жить значительно приятнее, чем в серой, а иногда и страшной российской действительности. Вот русский интеллигент и скрывается от жизни в эзотерическом мире идей и искусства, который он в значительной мере отождествляет с духовностью.

Соединение эзотерического отношения к жизни с неукорененностью или, как сегодня говорят социологи, маргинальностью, пожалуй, еще один момент русской духовности. В России со второй половины XIX столетия всегда было много неукоренен-

ных (оторвавшихся от своего сословия и культурной почвы) людей, но самое грустное, что неукорененным был и значительный *слой* образованного общества. Еще Гоголь писал о недообразованности и беспочвенности русского человека, о том, что нигде не видно настоящего гражданина. Декабристы, хотя и выказали образец гражданственности, но были и не с дворянством, и не с народом; и значительно позже, когда сформировалась, так сказать, русская чеховская интеллигенция, она также была в значительной мере неукорененным слоем общества.

Что же из всего этого следует? Прежде всего, то, что духовная жизнь — наша историческая традиция, привычка. Напрасно некоторые из нас ругают буржуазный образ жизни, мы просто привыкли жить эзотерической жизнью, привыкли к неукорененности. Русскому человеку все время кажется, что если напрячься и хорошенько подумать, то можно найти единственно верное решение. И он находит... в области идей, замыслов, проектов. А жизнь со всеми ее безобразиями идет своим чередом.

Вероятно, пока мы будем оставаться в сфере эзотерического образа жизни и неукорененности, никакие гениальные идеи и решения не помогут. Однако это не означает: «долгой идеи и мышление, долгой духовную работу». Это означает другое: нужно научиться не только мыслить, но и иначе жить, подчинить свою жизнь требованиям жизни в более широком понимании, нужен иной, новый опыт жизни и бытия, а не просто новые идеи.

К обсуждению проблем духовности возвращаются вовсе не случайно. Российская интеллигенция оказалась на распутье. Она растерялась, страшится новых экономических отношений, капиталистической конкуренции, политической борьбы, даже свободы, поскольку свобода оказалась не подкрепленной правом и действующими законами. Самое время укрыться от непогоды в духовной гавани. Здесь тихо, привычно, здесь любимые интеллигентские игры, а какой там будет мир и человек ближайшего будущего — лучше не думать, проще заклеить нового человека и мир, сказав, что они бездуховны. Куда сложнее сохранить свои идеалы и традиции и одновременно критически взглянуть на них, еще важнее — воплотить их в жизнь. Значительно сложнее научиться жить реалистично и так, чтобы жизнь включала наши идеалы и замыслы, чтобы не только в сфере духа или в мире искусства, но и в обычной жизни были гармония, чистота, красота и идеальные отношения. Но для этого нужно идти на компромиссы, перестраивать свои идеалы, внимательно и доброжелательно изучать мировую, и буржуазную в том числе, культуру и духовность, не перескакивать через себя и этапы жизни, которые все равно нужно пройти, как прошли другие народы.

Мы выйдем к более осмысленному пониманию духовности, если проведем ее в жизнь, если со всей серьезностью отнесемся к другим точ-

кам зрения и представлениям, какими бы странными они нам ни казались. Если примем их как реальность, не менее ценную, чем наша. Если не будем считать, что истина — одна и мы ею владеем, а другие заблуждаются. Истин столько, сколько последовательно реализованных опытов жизни.

Конечно, от себя, от своих традиций не уйдешь. Но и застревать на провинциальном полустанке было бы обидно. Будем же надеяться и спокойно работать. Главное — чистая совесть и хорошо выполненный долг, а остальное от нас не зависит, остальное придет.

Последний вопрос: о чем мы сейчас говорили, о духовности как таковой? Конечно, нет, мы наметили одну из схем духовности. Схему, ориентированную на такой слой российской интеллигенции, представители которой готовы критически взглянуть на себя и работать, создавая условия для обновления своей и российской жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкирев Л., Пушкирева Н. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. — М., 1989. — С. 75 — 89.

² <http://hpsy.ru/public/x3019.htm>.

³ Стефаненко Т. Этнопсихология. Электронная библиотека. 2003. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/08.php.

⁴ Тейлор Э. Первобытная культура. — М., 1939. — С. 228.

⁵ В «Дневнике писателя» Достоевский пишет: «Так и будет, если дело продолжится, если сам народ не опомнится; а интеллигенция не поможет ему. Если не опомнится, то весь, целиком, в самое малое время очутится в руках у всевозможных жидов, и уж тут никакая община его не спасет... Жидки будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным, но так как они будут платить бюджет, то, стало быть, их же надо будет поддерживать» (*Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Глава XI. «Мечты и грезы»*).

⁶ Антонов А. Фольк-хистори // anton2ov.spb.ru, 2003.

Аннотация

В статье анализируются понятия «ментальность» и «духовность». Предлагается трактовка ментальностей как разных схем, обеспечивающих решение определенных проблем. Обсуждается русская духовность как определенный тип схем.

Ключевые слова:

ментальность, духовность, понятие, схема, личность, образ жизни, эзотеричность, интеллигенция.

Summary

The article covers the ideas of “mentality” and “spirituality”. It suggests the interpretation of mentalities as different schemes providing a solution of several problems and of Russian spirituality as a definite type of schemes.

Keywords:

Mentality, spirituality, conception, scheme, personality, style of life, esotery, intelligentsia.